

УДК 304.2. 82-94  
ББК 83.3

## РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОМ ИМИДЖЕ КИТАЯ В КНИГЕ ОЧЕРКОВ И.А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ „ПАЛЛАДА“»

Гао Жунго, Лю Яи, А.А. Позднякова

**Аннотация.** В данной статье делается попытка проанализировать образ Китая середины XIX-го века, созданный русским писателем И.А. Гончаровым в книге очерков «Фрегат „Паллада“», и сравнить его с иными представлениями, бытующими в то время, чтобы с помощью такого сравнения сделать вывод о «правильном государственном образе Китая». В сравнении с другими источниками, дающими описание Китая этого периода, произведение И.А. Гончарова можно считать объективным источником. Несмотря на отдельные неточности, оно нацелено на изображение реального Китая и лишено разного рода предрассудков и домыслов о государственном устройстве страны и традициях китайского народа. Последнее представляется особо актуальным в наше время, когда российско-китайские отношения выходят на новый исторический этап и Китай реализует программу «Один пояс, один путь». Создание правильного представления о государственном имидже Китая будет способствовать лучшему пониманию Китая в мире, обеспечит культурный обмен и взаимодействие между представителями разных стран и народов.

**Ключевые слова:** И.А. Гончаров, «Фрегат „Паллада“», Китай, очерк, имидж страны, имидж государства, восприятие и интерпретация идей конфуцианства.

275

REFLECTIONS ON THE STATE IMAGE OF CHINA  
IN GONCHAROV'S BOOK OF ESSAYS "FRIGATE PALLADA"

Гао Ронггуо, Лиу Яй, А.А. Позднякова

**Abstract.** The article analyzes the image of China in the mid-XIX-the century created by the Russian writer I.A. Goncharov in the book of essays "Frigate Pallada", and compares it with the other views prevailing at that time. With the help of this comparison, the author draws "a correct public image of China". In comparison with other sources that describe the China of this period, the work of I.A. Goncharov can be considered an objective source. Despite some inaccuracies, it is aimed at depicting the real picture of China and is devoid

*of different kinds of prejudice and speculation about the political system of the country and the traditions of the Chinese people. The latter seems particularly relevant in our time when Russian-Chinese relations are entering a new historical stage, and China is implementing the program "One belt, one path". Creating a correct idea of the public image of China will contribute to a better understanding of China in the world, provide cultural exchange and interaction between representatives of different countries and peoples.*

**Keywords:** *Ivan Goncharov, "Frigate Pallada", China, sketch, state image, image of a country, perception and interpretation of ideas of Confucianism.*

**И**нтерес к Китаю, возникший в российском обществе в конце XVIII – начале XIX века, не является случайным: отчасти он «подстегивается» европейскими тенденциями и европейской модой «на все китайское», но в большинстве своем связан с поисками русскими мыслителями нового пути развития России и стремлением выразить свои политические предпочтения в особой (часто утопической) форме. Идеализированный образ Китая становится в этом смысле средством воплощения утопических образов. Достаточно показательно здесь мнение Вольтера о том, что «Китай управляется "государем-философом" в интересах народа», а китайское государство вправе считать себя «несравненно более цивилизованным, чем европейские варварские страны» [1, с. 88]. Идея возможности существования мудрого и справедливого монарха («отца нации»), обращение к историческому прошлому народов как образцу «упавших цивилизаций», попытки, в конечном счете, обосновать пагубность прогресса — все это приводит к формированию некоего утопически-деструктивного взгляда на Китай, с одной стороны, и тенденции «найти ответы на все вопросы» через наблюдение за жизнью

представителей китайского общества, с другой.

В этот период появляются научные и художественные описания Китая, переводы с китайского языка, публикуемые в отечественных журналах и расширяющие представления общества о культуре и традициях Китая. Российский историк Л.С. Васильев пишет о том, что начиная с XVII в. «в многочисленных книгах, принадлежавших перу миссионеров, путешественников, торговцев, а затем и специалистов-востоковедов, все чаще обращалось внимание на специфику социальной, экономической и политической структуры этих чуждых привычному европейскому стандарту стран [стран Востока — *уточнено нами*]» [2, с. 7]. Интересно то, что екатерининское «китайское поветрие», нашедшее отражение в русской литературе, театре, архитектуре, становится почвой для обоснования природы деспотической власти и охраняющих ее законов. Л.С. Васильев отмечает, что «в книгах, о которых идет речь, делался акцент прежде всего на силу и эффективность центральной власти, абсолютное преобладание государственной собственности при второстепенной роли частной, на раболепие низших перед высшими, а также на общую за-

стойность и косность, близкий к неподвижности ритм жизни, столь разительно несхожий с динамизмом раннекапиталистической Европы» [там же]. Эта двойственность взглядов на китайскую государственность, неоднозначное восприятие имиджа Китая достаточно характерны и для литературного процесса рассматриваемого периода: Г.Р. Державин, Д.И. Фонвизин, А.Н. Радищев, А.С. Пушкин в той или иной степени обращаются к теме Китая в своих произведениях. Однако наибольшее отражение она находит в серии очерков выдающегося писателя-реалиста И.А. Гончарова «Фрегат „Паллада“».

С октября 1852 года по февраль 1855 года И.А. Гончаров участвует в кругосветном плавании на фрегате «Паллада» под руководством Е.В. Путятина в качестве корабельного секретаря. Во время кругосветного плавания он посещает прибрежные страны Европы, Африки, Азии, в том числе Китай и Японию. В декабре 1853 года Гончаров прибывает в город Шанхай на 22 дня и становится первым писателем, который лично посещает Китай и фиксирует события Тайпинского восстания (1850–1864). После возвращения в Россию на основе путевых заметок он создает книгу очерков в двух томах и называет ее «Фрегат „Паллада“». В этом произведении существует много описаний Китая. Кроме главы «Гонконг» первого тома и главы «Шанхай» второго тома, где дается описание китайских городов, И.А. Гончаров в других главах уделяет значительное внимание китайцам, проживающим за границей, но сохраняющим национальные традиции.

Российский синолог XIX века Н.Я. Бичурин (Иакинф), выступая за

распространение достоверных знаний о Китае, достаточно жестко критикует популяризаторскую европейскую и российскую литературу: «Ныне пишут критики с различною целью, и нередко такие люди, которые несовершененно знают обсуждаемый предмет, а поэтому часто и самая критика их по большей части ошибочна» [3]. Будучи знакомым с данным мнением, И.А. Гончаров стремится избежать поверхностности, «несовершенства» и оскорбительных тонов в изображении Китая: он рисует образ бедной и слабой страны, осуждает политику Великобритании в отношении Китая, выражает сочувствие простым китайцам. В целом мнение Гончарова о Китае является объективным и, можно сказать, благоприятным. И, хотя некоторые описания вызывают у китайцев негативные чувства, на общее восприятие произведения это не влияет: детализация проблем общества не означает того, что писатель не любит китайский народ или хочет каким-то образом унижить Китай. В большинстве случаев Гончаров просто фиксирует увиденное и услышанное и делает свои выводы на основе общего представления о Китае, популярного в Европе и России в то время. По причине слишком короткого пребывания в Китае, недостаточного ознакомления с Китаем и, очевидно, воздействия российского общественного мнения, в очерках Гончарова проскальзывают отдельные ошибочные толкования реалий китайской действительности, но они не являются существенными.

Образ Китая в книге очерков «Фрегат „Паллада“» не статичен, он развивается и в ходе своего развития проходит три этапа.

**Первый этап.** Возникновение образа Китая, или «Китай в воображении».

Образ Китая существует у И.А. Гончарова еще до прибытия в Шанхай, но существует он как некая ирреальная субстанция, миф, и в нем очень мало от настоящего Китая. Обратившись к источникам того времени, можно понять, откуда писатель получает представление о Китае: они навеяны общественным мнением, или «коллективным воображением», существующем в России и Европе. Подтверждение этого мы находим в статье французского компаративиста Даниэля-Анри Пажо «От культурного образа до воображаемого». Пажо пишет, что образ «чужого» является «особой формой выражения социального коллективного воображения» [4, с. 121]. Российский филолог О.Ю. Поляков, анализируя трактовки культурного образа Пажо, делает вывод о том, что «образ чужого может помочь в познании культуры-реципиента (страны «наблюдающей»)», а также «метафорически выразить не до конца постигаемые рационально национальные реалии» [5, с. 181–182]. Китайский исследователь Мэнхуа развивает положения теории Пажо, она считает, что социальное коллективное воображение является «совокупностью различных взглядов на другую страну, на внешние и этнологические черты ее населения, на их материальную и духовную жизнь, полученные через восприятие, чтение и воображение. Социальное коллективное воображение представляет собой сочетание эмоций и мысли» [6, с. 8].

Нам трудно определить, насколько глубоко И.А. Гончаров познает Китай, поскольку в письмах, записях,

мемуарах или критических заметках писателя мы не находим прямых доказательств этого. С помощью книги очерков «Фрегат „Паллада“» мы лишь можем понять, что И.А. Гончаров еще до начала кругосветного плавания готовился к путешествию в Китай, для чего ознакомился с произведением Иакинфа (Н.Я. Бичурина) «Статистическое описание Китайской империи» (1842), однако внимательно эту книгу не изучил.

Отметим также, что после массового «увлечения Китаем», наблюдавшимся во второй половине XVIII века, по Европе и по России проходит волна «уничуждения Китая»: образ древней восточной империи начинает разрушаться, «Китай падает с вершины поклонения в низменную долину презрения». Причина тому — военные конфликты на территории Китая между западными державами и Империей Цин, так называемые Опиумные войны (1840–1842 и 1856–1860 гг.), приведшие к сильнейшему экономическому ослаблению Китая, массовой деградациии населения, потере страной политической самостоятельности. Можно сказать, что с начала XIX века образ Китая в Европе и России получает реализацию лишь в двух вариантах: положительный и отрицательный, а ближе к рубежу XIX–XX веков отрицательные тенденции начинают усиливаться: появляются очерки, заметки, карикатуры, изображающие беднеющий, ослабленный, варварский Китай. С падением Китая пренебрежительное отношение к китайцам, надделение их такими качествами, как нерешительность, трусость, становится частью общественного мнения. Очевидно, это социальное коллективное представ-

ление о Китае оказывает влияния и на формирование отношения Гончарова к Китаю. Перед началом плавания он пишет: «Китай долго крепился, но и этот сундук с старою рухлядью вскрылся — крышка слетела с петель, подорванная порохом. Европейец роется в ветоши, достает, что придется ему впору, обновляет, хозяйничает...» [7, с. 6]. То есть до прибытия в Китай Гончаров считает эту страну первобытной, замкнутой, отчасти мистической, потому и сравнивает Китай с «сундуком с старою рухлядью». Разумеется, «старая рухлядь» здесь означает не только слабую национальную политику Китая, но и содержит намек на отсталость и культурную ограниченность китайского общества. И здесь Гончаров использует образные выражения «роется в ветоши», «достает, что придется ему впору», «обновляет», «хозяйничает» для изображения варварской агрессии Европы, слепого внедрения в китайскую культуру европейских новшеств. По нашему мнению, кроме прямого указания на бесчинства европейских держав в Китае, что, в известной степени, выражает его сочувствие Китаю, эти сравнения содержат упрек в сторону англо-американских политиков. Можно сказать, что первое впечатление Гончарова о Китае становится лейтмотивом всего последующего отношения к стране [8; 9].

В последних числах мая 1853 года Гончаров ненадолго прибывает в Анжер, где он впервые видит китайцев. С этого момента и до прибытия в Шанхай характерные черты внешнего облика (длинные косы на затылке, бритые головы и бритые лица), особенности национального поведения (суетливость, угодливость), особенно-

сти жизни (теснота домов, многолюдность, «грязные беспорядочные поселения» китайцев) всегда остаются в центре внимания Гончарова. Он постоянно концентрируется на этом: «Купец, седой китаец, в синем халате, с косою, в очках и туфлях, да два приказчика, молодые, с длинными-предлинными, как черные змеи, косами, с длинными же, смугло-бледными, истощенными лицами и с ногтистыми, как у птиц когти, пальцами» [7, с. 133]; «У многих старческие физиономии, бритые головы, кроме затылка, от которого тянется длинная коса, болтаясь в ногах. Морщины и отсутствие усов и бороды делают их чрезвычайно похожими на старух. Ничего мужественного, бодрого. Лица точно вылиты одно в другое» [там же, с. 136]; «Голые китайцы, в одних юбках или шароварах, а иные только в повязках кругом поясницы, сидя в лавках или наружи у порога, чесали длинные косы друг другу или брили головы и подбородки. Они проводят за этим целые часы; это — их кейф» [там же, с. 139]; «Но вид этих бритых донельзя голов и лиц, голых, смугло-желтых тел, этих то старческих, то хотя и молодых, но гладких, мягких, лукавых, без выражения энергии и мужественности физиономий и, наконец, подробности образа жизни, семейный и внутренний быт, вышедший на улицу, — все это очень своеобразно, но не привлекательно» [там же]; «В европейском квартале простор, свежесть, чистота и великолепие стесняют их; они похожи там на рыб, которых из грязной, болотной речки пересадили в фарфоровый бассейн, наполненный прозрачною водою: негде спрятаться, приютиться, стянуть, надуть, выпачкаться и вы-

пачкать ближнего» [там же, с. 153]. Из этих предложений мы можем явно увидеть, что Гончаров «недоволен» внешним обликом, образом жизни и «духовным состоянием» китайцев. Китайцы у него пока в основном «оцениваются» в свете идей тихой, покойной и неподвижной жизни.

Однако писатель достаточно много рассуждает о способности китайцев к торговле и о массовом характере «китайского розничного бизнеса»: «Мы пошли в лавку: да, здесь есть лавка, разумеется, китайская» [там же, с. 133]; «Кушцы большею частью китайцы» [там же, с. 138]; «...европейцы ведут оптовую торговлю, привозят и увозят грузы, а розничная торговля вся в руках китайцев» [там же, с. 141]. Торговая смекалка оценивается Гончаровым как однозначно положительное качество китайской нации, заслуживающее уважения и подражания. Эта идея развивается писателем и в следующих главах.

В июне 1853 года Гончаров прибывает в Гонконг, который в то время является колонией Англии. Можно сказать, что к концу восьмого месяца путешествия интерес Гончарова к мореплаванию постепенно ослабевает и жизнь в море ему наскучивает. Это приводит к угасанию интереса и к Гонконгу, поэтому описание общества, местных условий и нравов оказывается мелким и прозаичным. Так, писатель достаточно спокойно, без эмоций рассказывает о жизни «китайского квартала, состоящего из двух частей народонаселения», одна из которых «живет на лодках, другая в домишках, которые все сбиты в кучу и лепятся на самом берегу, а иные утверждены на сваях, на воде» [там же, с. 303], рассказывает о буд-

нях китайских семей: «Лодки, с семействами, стоят рядами на одном месте или разъезжают по рейду, занимаясь рыбной ловлей, торгуют, не то так перевозят людей с судов на берег и обратно. Все они с навесом, вроде кают. Везде увидишь семейные сцены: обедают, занимаются рукодельем, или мать кормит грудью ребенка» [там же]. Обычная жизнь обычного народа. Этнический колорит создается писателем за счет точечного изображения деталей, поскольку «за каждой мелочью может стоять тысячелетняя традиция». Например, описывая китайских женщин, Гончаров приводит следующее наблюдение: «Ноги у всех более или менее изуродованы; а у которых «от невоспитания, от небрежности родителей» уцелели в природном виде, те поддельвают, под настоящую ногу, другую, искусственную, но такую маленькую, что решительно не могут ступить на нее, и потому ходят с помощью прислужниц. Несмотря на длинные платья, в которые закутаны китаянки от горла до полу, я случайно, при дуновении ветра, вдруг увидел хитрость» [там же].

«Более или менее изуродованные ноги» здесь — это обращение к многовековой варварской, с позиции европейца, традиции бинтования ног китайских девочек для приведения их к «стандарту» «золотого лотоса в три цуня» (цунь — китайская мера длины, равная примерно 3,3 см). Маленькая нога была для китайцев эталоном красоты и женственности, поэтому уже в раннем возрасте девочкам бинтовали ступню, деформируя ее особым образом. Приведенное описание является очень «поверхностным» и позволяет говорить о том, что Гончаров

знал достаточно мало о самой процедуре бинтования, иначе, как нам кажется, это описание было бы более эмоциональным. Сложная и болезненная процедура приносила девочке невыносимые страдания, и бывали случаи, когда мать, не в силах вынести мучения дочери, разбинтовывала ей ступни; однако, когда девочка вырастала, то неизбежно сталкивалась с презрением в семье мужа и осуждением общества. Мучения девочки становились платой за потенциальное удачное замужество, дающее возможность социально подняться и всей ее семье. Очевидно, Гончаров, использующий в своем описании формулу чужой речи — «от невоспитания, от небрежности родителей», не предполагает, что наблюдает результат проявления обычной материнской любви и жалости к своему ребенку.

В целом же, Гончаров пишет о китайских женщинах с симпатией. Отмечая «оливковый цвет лиц», «черные, немного узкие глаза» и «роскошную кучу черных волос, прикрепленную на затылке большой золотой или серебряной булавкой», писатель делает вывод о том, что «они не неприятны на вид» [там же].

Достаточно противоречивым в этой главе оказывается отношение писателя к англичанам, проявляющееся в неприятии политики Англии в Китае, с одной стороны, и восхищении плодами их реформаторской деятельности, с другой. Например, Гончаров пишет: «Поглядев на великолепные дома набережной, вы непременно дорисуете мысленно вид, который примет со временем и гора. Китайцам, конечно, не грезились, когда они в 1842 году, по нанкинскому трактату, уступали англи-

чанам этот бесплодный камень, вместо цветущего острова Чусана, во что превратят камень рыжие варвары. Еще менее грезились, что они же, китайцы, своими руками и на свою шею, будут обтесывать эти камни, складывать в стены, в брустверы, ставить пушки...» [там же]. И далее: «Конторы все отперты настежь: там китайцы, под присмотром англичан, упаковывают и распаковывают тюки, складывают в груды и несут на лодки, а лодки везут к кораблям. Китайцы одни бестрепетно наполняют улицы, сидят кучами у подъездов, ожидая работы, носят в паланкинах европейцев. Всюду мелькают их голые плечи, спины, ноги и головы, покрытые только густо сложенной в два ряда косой» [там же]. «Формулы пассивности», используемые в описаниях, такие как «своими руками и на свою шею», «под присмотром англичан», «китайцы <...> сидят кучами у подъездов, ожидая работы», «носят в паланкинах европейцев» и под., очевидно, выражают мнение писателя о политической пассивности и несостоятельности китайского общества.

Это же мнение просматривается и в оценке торговых отношений Китая с другими странами. В частности, Гончаров осуждает торговлю англичан опиумом, который ввозится на китайский рынок через Гонконг, и, более того, он отмечает, что из-за оккупации Англией «этот островок будет, кажется, вечным бельмом на глазу китайского правительства» [там же]. Представление Гончарова о том, какое место занимает Гонконг на политической арене, очень четкое, потому что после оккупации острова Гонконг становится плацдармом, через который Англия пы-

тается управлять Китаем, а «затхлое и слабое» правительство династии Цин практически не может изменить существующее положение вещей. Такая трактовка реалий производит на китайского читателя неоднозначное впечатление.

Можно сказать, что на первом этапе знакомства И.А. Гончарова с Китаем представления писателя о стране оказываются крайне поверхностными. Хотя Гончаров часто упоминает о способности китайцев к торговле, выражает восхищение по поводу «китайского искусства садов», рисует некоторые позитивные образы китайцев, в целом его отношение к Китаю, к сожалению, можно охарактеризовать как негативное.

Причин этого, по нашему мнению, несколько. Первая связана с тем, что духовное состояние и внешний облик большинства китайцев, живущих за границей, действительно не соответствовал традиционным китайским ценностям, — именно это видит Гончаров и отражает в своем произведении. Вторая — это ограниченные контакты Гончарова с представителями разных слоев китайского общества: писатель очень мало соприкасается с «реальными» китайцами, носителями настоящей китайской культуры, у него нет возможности погрузиться глубоко в жизнь китайцев и наблюдать за этой жизнью. Третья — стереотипы восприятия, или, как мы уже отмечали выше, отрицательное коллективное представление о Китае в обществах европейских стран и России, под влияние которого попадает и И.А. Гончаров [9, с. 56–57].

**Второй этап.** Углубление образа Китая, или «Китай в реальности».

Второй период познания Китая начинается со времени прибытия Гончарова в Шанхай (ноябрь 1853 года). Оставаясь в Шанхае в течение 22 дней, писатель более детально знакомится с Китаем, в результате чего образ Китая получает дальнейшее развитие. Гончаров уделяет большее внимание положительным сторонам китайской общественной жизни, а сам Китай в очерках становится более живым, исчезают депрессивные нотки в отображении реалий. В главе «Шанхай» второго тома книги Гончаров с разных сторон достоверно описывает все, что он видит и слышит в Шанхае. Это и китайские джонки — «большие лодки, выстроенные из темно-желтого бамбукового корня, покрытые циновками, очень чистые, удобные и красивые, отделанные, как мебель или игрушки» [7, с. 218]. Писатель искренне восхищается мореходными качествами китайских лодок, ловкостью и проворством китайских моряков, управляющих этими лодками. Это и необычная для России эстетика орудий труда и трудового процесса: «Заглянешь в ялик к перевозчику: любо посмотреть, тянет сесть туда. Дерево лакировано — это бамбуковый корень; навес и лавки покрыты чистыми циновками. Если тут и есть какая-нибудь утварь, горшок с похлебкой, чашка, то около все чисто; не боишься прикоснуться и выпачкаться» [там же, с. 220]. Это и «чайное изобилие»: «Здесь есть всякий чай, какой только родится в Китае» [там же, с. 218], — которое удивляет писателя, хотя он и не является почитателем китайского чая.

В этой главе также встречаются эпизоды, связанные с негативными

характеристиками китайцев, например с их, как считает писатель, нечистоплотностью: «Китаец поднимал тряпицу, доставал из котла рукой горсть рису, клал в свой фартук, выжимал воду и, уже сухой, подавал покупателю» [там же, с. 223]; равнодушием: «Какой-то старый купец хотел прыгнуть к нам на плот, когда тот отвалил уже от берега, но не попал и бухнулся в воду, но китайцы только собирались на берегу к общему удовольствию» [там же, с. 233]; консервативностью: «Китайцы встречали или провожали замечанием каждого проезжего и смеялись. Особенно скачущие женщины возбуждали их внимание: небывалое у них явление! Их женщины — пока еще так себе, хозяйственная принадлежность» [там же, с. 225]; отсутствием веры (религиозности): «религиозный индифферентизм китайцев! У них нет фанатизма, они не заразились им даже от буддистов» [там же, с. 231]. Гончаров даже «насмехается» над Конфуцием, жалуясь на высокую цену за буксир парохода с одноименным названием — «Конфуций»: «Что сказал бы добродетельный философ, если б предвидел, что его соименник будет драть по стольку с приходящих судов? Проклял бы пришельцев, конечно. А кто знает: если б у него были акции на это предприятие, так, может быть, сам брал бы вдвое» [там же, с. 210].

Однако на этом этапе Гончаров замечает уже больше позитивного в жизни китайцев и в самом народе. Писатель в очередной раз восхищается способностью китайцев к торговле, но оценивает ее уже не с позиции индивидуальных качеств отдельных людей, а с позиции исторической перспективы: «...этому народу суж-

дено играть большую роль в торговле, а может быть, и не в одной торговле» [там же, с. 211]. Эту особенность китайцев Гончаров упоминает и после отъезда из Китая, сравнивая с англичанами и американцами: «Китайцы, напротив, сами купцы по преимуществу, и, по меркантильному духу и спекулятивным способностям, превосходят англичан и американцев, и не выпускают из своих рук внутренней торговли» [там же, с. 251]. Интересно, что в данном случае даже характеристики «меркантильный дух» и «спекулятивные способности» не воспринимаются как отрицательные — они, скорее, выступают синонимами таких понятий, как прагматизм и предприимчивость.

В Шанхае Гончаров по достоинству оценивает и другие качества китайского народа, такие как огромное трудолюбие, природный ум, терпение, учтивость и доброжелательность. Например, он пишет: «Китайцы — живой и деятельный народ: без дела почти никого не увидишь» [там же, с. 219]; «Нет, конечно, народа смиреннее, покорнее и учтивее китайца» [там же, с. 228]; «Но, несмотря на запах, на жалкую бедность, на грязь, нельзя было не заметить ума, порядка, отчетливости даже в мелочах полевого и деревенского хозяйства» [там же, с. 224]. Важным здесь является то, что китайское общество уже не представляется писателю однородной массой, Гончаров дифференцирует китайцев, в описаниях появляется очень уважительное отношение к представителям китайского этноса: «Здесь народ не похож на тот, что мы видели в Гонконге и в Сингапуре: он смирен, скромен и очень опрятен» [там же, с. 219].

Также Гончаров указывает на творческую силу китайцев. Когда речь идет о кустарном производстве, Гончаров пишет: «Китайцы, как известно, отличные резчики на дереве, камне, кости. Ни у кого другого, даже у немца, не достанет терпения так мелко и чисто выработать вещь» [там же, с. 220]. Удивительным, по мнению Гончарова, является не только высокая техника выполнения работы, но и ее низкая стоимость: «Здесь, по-видимому, руки человеческие и время нипочем» [там же]. Он сожалеет об этом и пишет: «Если б еще этот труд и терпение тратились на что-нибудь важное или нужное» [там же].

На этом этапе, по нашему мнению, меняется вектор оценки и в ситуациях, когда речь идет об отношении англичан к китайцам. Если раньше Гончаров, выражая сочувствие китайцам, осуждает их за пассивность и даже делает эту пассивность общезначимой характеристикой, то здесь писатель выступает за рамки обычного созерцания и переходит на уровень обобщения. В частности, он пишет: «Вообще обращение англичан с китайцами, да и с другими, особенно подвластными им народами, не то чтоб было жестоко, а повелительно, грубо или холодно-презрительно, так что смотреть больно» [там же, с. 228]. И далее: «...на их же счет обогащаются, отравляют их, да еще и презирают свои жертвы!» [там же]. Гончаров сожалеет по этому поводу и говорит: «Не знаю, кто из них кого мог бы цивилизовать: не китайцы ли англичан своею вежливостью, кротостью да и умением торговать тоже?» [там же, с. 229]. В данных описаниях — реакция писателя на этнические, миссионерские амбиции западных держав.

Во время пребывания И.А. Гончарова в Шанхае там происходит Тайпинское восстание (1850–1864), и, как мы уже отмечали выше, Гончаров оказывается первым русским писателем, фиксирующим это событие. Иван Андреевич не только описывает сражение между войсками правительства династии Цин и восставшими, но и рассказывает о бесчинствах правительственных войск, о пытках, которые они применяли к восставшим. Гончаров также с сожалением констатирует, что «и тех, и других англичане и американцы держат в руках» [там же, с. 228].

В общем, по сравнению с первым периодом «шанхайский» образ Китая у Гончарова становится более полным и многогранным. Это является результатом наблюдений писателя за жизнью и характером китайцев. Можно сказать, что из «аморфной, безликой массы» Гончаров начинает вычленять лица и характеры реальных людей, формирующих нацию. Гончаров не только положительно оценивает такие качества китайцев, как способность к торговле, трудолюбие, учтивость и другие, но и считает их необходимыми для прогрессивного развития и Китая, и всего человечества [10]. После отъезда из Шанхая писатель начинает размышлять о возможностях и способах перехода Китая от традиционализма (застарелого младенчества) к современной системе хозяйствования, к новому общественному бытовому укладу, перспективах национального обновления Китая и условиях этого обновления [9, с. 57–58].

**Третий период.** Завершение формирования образа Китая, или «Китай во впечатлениях».

Третий период начинается после отъезда писателя из Шанхая.

На этом этапе образ Китая продолжает углубляться. На первом и втором этапах Гончаров лишь фиксирует черты жизни китайцев, об этом он говорит во время плавания у берегов Англии: «Удовольствуйтесь беглыми заметками, не о стране, не о силах и богатстве ее; не о жителях, не об их нравах, а о том только, что мелькнуло у меня в глазах» [там же, с. 18]. На третьем этапе Гончаров переходит к обобщениям, анализу и рассуждает о причинах формирования слабого правительства Китая, возможности трансформирования общества Китая, перспективах развития страны. Рассуждения о Китае, написанные в Корее, являются самыми яркими. Именно здесь образ Китая у И.А. Гончарова получает законченный, оформленный вид.

По мнению Гончарова, слабость Китая и китайцев является результатом давления многовековой феодальной системы («застарелого феодализма»), аграрного характера экономики страны («земледельческого труда») и господствующей религии — конфуцианства.

Гончаров считает, что национализм, патриотизм и религиозность являются тремя началами, которые необходимы для движения государственной машины, но у китайцев нет одного из этих начал: «...в их языке нет даже слова «отечество» [там же, с. 319]. Этим объясняется, что у китайцев нет «ни государственной, ни какой другой централизации» [там же, с. 304], в них (в китайцах) успело развиться и закоренеть индивидуальное и семейное начало, поэтому китайское общество «не дозрело до

жизни общественной и государственной» [там же, с. 320]. Очевидно, в этих своих суждениях И.А. Гончаров заблуждается, во всяком случае, для носителей китайской культуры они воспринимаются как ошибочные. Идею же отношения китайцев к религии достаточно точно сформулировал Н.Я. Бичурин в упомянутом выше сочинении «Статистическое описание Китайской империи». Приведем небольшой фрагмент: «Китайцы под словом *религия* разумеют самое вероучение, то есть известный образ мыслей в отношении к богопочитанию и нравственности. По сей причине все религии на китайском языке имеют одно общее название *цзяо*, что значит *учение, толк*, а яснее сказать: изложение обрядов и нравственного учения какой-либо религии. Богослужebные обряды считаются формою внутренних действий, которые хотя и важны сами в себе по отношению к цели, но обряды одной какой-либо религии, как средство, не имеют никакого преимущества перед обрядами других религий. Китаец, по набожности, молится по обрядам каждой религии, терпимой законами его отечества; по стечению обстоятельств сообразуется с учением той или другой религии, но ни к одной не прилепляется исключительно» [3]. Очевидно, именно на основании этого наблюдения И.А. Гончаров делает вывод о «религиозной аморфности» («религиозном индифферентизме») китайцев, что в сочетании с довлеющей феодальной моралью приводит к аморфности политической: «Учение Конфуция — не религия, а просто обиходная нравственность, практическая философия, не мешающая никакой рели-

гии». По его мнению, многовековая феодальная система делает китайцев «равнодушными ко всему. На лице апатия или мелкие будничные заботы» [там же], потому что «до бога высоко, до царя далеко» и «между правительством и народом лежит бездна» [там же], весь народ «действуют без соображений о целостности и благе государства». Китайцам ни о чем не нужно заботиться и двигаться вперед не нужно: «все готово».

И.А. Гончаров считает, что китайская цивилизация является главной причиной политики закрытости и отставания общества стран Восточной Азии, так как китайцы являются старшими братьями в семье Восточной Азии и повлияли на младших. «Китайцы заразили и их, и корейцев, и ликейцев своею младенчески старческой цивилизацией и тою же системою отчуждения» [там же, с. 321]. Более того, эта цивилизация «парализует до сих пор все силы огромного народонаселения юго-восточной части азиатского материка с японскими островами» [там же, с. 319]. В то же время он умаляет китайскую ученость, считая, что уважаемая китайцами ученость является «тяжелой, педантической, устарелой и ненужной ученостью, от которой люди дуреют» [там же, с. 187]. Более того, Гончаров, видимо, искренне думает, что «у ученых перемололся язык; они впали в детство и стали посмешищем у простого, живущего без ученых, а только здравым смыслом народа» [там же, с. 320].

Гончаров полагает, что «...нельзя было Китаю жить долее, как он жил до сих пор. Он не шел, не двигался, а только конвульсивно дышал, пав под бременем своего истощения»

[там же, с. 319]. В тексте писатель задает вопрос: «Что может оживить эту истощенную почву? Какие новые силы нужно, чтоб вновь дать брожение огромной, перегнившей массе сил?» [там же]. И после того как писатель оценивает жизнь Китая во всех ее проявлениях, учитывая нравственно-трудовые истоки, исторические корни, с одной стороны, и современные противоречивые тенденции, с другой, он отвечает на этот вопрос так: «...успех возможен для них не иначе как под знаменем христианской цивилизации» [там же, с. 320]. То есть Гончаров считает, что единственная надежда общества Китая — это выход в христианство.

Иными словами, на этом этапе образ Китая у Гончарова находится в завершенном состоянии. Китай — это очень дряхлая страна и, следовательно, Китай «менее подает надежды на возрождение сам собой» [там же]. Китайцы не заботятся о своей стране, а только преданы своим семействам и кругу частных занятий. У них нет понятия нации и нет религии. Система и цивилизация Китая являются старческими и гнилыми. Но у Китая еще есть возможность обновления. Писатель считает, что Китаю необходимо обернуться лицом к миру, отказаться от антигуманной и крайне неэффективной системы государственного управления, а также и от неоправданного самообольщения, принять цивилизацию нового мира (христианскую цивилизацию) и начать развивать открытые торговые отношения с другими странами. Нужно отметить, что некоторые взгляды И.А. Гончарова не являются правильными и справедливыми, они лишь подтверждают зависимость пи-

сателя от общественного мнения и отражают мысль западника и «казенную надобность» [там же, с. 367] этого плавание. Однако нельзя отрицать и того, что большая часть его рассуждений объективна и отражает существовавшую реальность. Более того, они перекликаются и с мнениями современных писателей, пытающихся оценить историческое прошлое и настоящее Китая.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать ряд выводов.

Во-первых, само обращение писателя к теме Китая (и более широко — к теме Востока) является значимым событием. С помощью правильно отобранного, исторически выверенного фактического материала Гончаров «обновил и облагородил» представление соотечественников о китайском этносе.

Во-вторых, в сравнении с другими произведениями, дающими описание Китая этого периода «из пер-

вых рук», произведение И.А. Гончарова можно считать достаточно объективным источником. Несмотря на отдельные неточности, оно нацелено на изображение реального Китая и лишено большого количества предрассудков и домыслов о государственном устройстве страны и традициях китайского народа, широко распространенных в то время.

И, наконец, в-третьих, размышляя о государственном имидже Китая, Гончаров (возможно, неожиданно для себя) приходит к выводу об огромном культурно-образовательном и экономическом потенциале страны, пусть бедной и слабой в то время, но имеющей за плечами опыт древней, могучей цивилизации и потому способной к возрождению. Этот вывод, как послы, был услышан прогрессивными читателями, вызвал в российском обществе здоровый интерес к восточному соседу и оказал существенное влияние на формирование общественного мнения.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Никифоров, В.Н.* Восток и всемирная история. М.: Наука, 1975. 351 с.
2. *Васильев, Л.С.* История Востока. Т. I. М.: Высшая школа, 1998. 309 с.
3. *Бичурин, Н.Я.* Статистическое описание Китайской империи: в 2 частях. М.: Восточный Дом, 2002.
4. *Пажо, Д.-А.* Цу Вэньхуа Синсян Дао Цзити Сянсянву (От культурного образа до воображаемого) // Бицзяо Вэньсюэ Синсянсюэ (Имагология как область сравнительного литературоведения) / отв. ред. Мэнхуа. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2001. С. 118–152. (на кит. языке)
5. *Поляков, О.Ю.* Принципы культурной имагологии Даниэля-Анри Пажо // Филология и культура, 2013. № 2 (32). С. 181–184.
6. Мэнхуа. Бицзяо Вэньсюэ Синсянсюэ Луньвэнь Фаньи. Яньцзяо Чжацзи (Перевод и описание статей по сравнительному литературоведению) // Бицзяо Вэньсюэ Синсянсюэ (Имагология как область сравнительного литературоведения) / отв. ред. Мэнхуа. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2001. С. 1–16. (на кит. языке)
7. *Гончаров, И.А.* Фрегат «Паллада». Л.: Наука, 1986.
8. *Гао, Жунго.* Государственный образ Китая в сочинении «Фрегат „Паллада“» // Общественные науки, 2017(7). С. 184–191. (на кит. языке)

9. Гао, Жунго. Государственный образ Китая в середине XIX века у И.А. Гончарова // Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 205-летию со дня рождения И.А. Гончарова: Сборник статей русских и зарубежных авторов / сост.: И.В. Смирнова, А.В. Лобкарёва, Е.Б. Клевогина, И.О. Маршалова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2017. С. 51–59.
10. Чэнь, Цзяньхуа. Гуаньюй Чжунэ Вэньхуа Цзялю Дэ Дуйхуа (О диалоге китайской и русской культур). URL: <http://www.renmin-hotel.com/huaren/baodao/379380/gyzefh.htm> (Дата обращения: 05.03.2018). (на кит. языке).

## REFERENCES

1. Bichurin N.Ja. *Statisticheskoe opisanie Kitajskoj imperii: Vol. I–II*. Moscow, Vostochnyj Dom, 2002. (in Russian).
2. Chen Jianhua. *Guan Yu Zhong E Wen Hua Jiao Liu De Dui Hua*, available at: <http://www.renmin-hotel.com/huaren/baodao/379380/gyzefh.htm> (accessed 05.03.2018). (in Chinese).
3. Gao Rongguo. “Gosudarstvennyj obraz Kitaja v seredine XIX veka u I.A. Goncharova”, in: *Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 205-letiju so dnja rozhdenija I.A. Goncharova*. Uljanovsk, Korporacija tehnologij prodvizhenija, 2017, pp. 51–59. (in Russian).
4. Gao Rongguo. “Wu Du Yu Pian Jian, Ba La Da San Wei Zhan Jian. Zhong Guo Jia Xing Xiang Yan Jiu”, in: *She Hui Ke Xue*, 2017 (7), pp. 184–191. (in Chinese).
5. Goncharov I.A. *Fregat Pallada*. Leningrad, Nauka, 1986. (in Russian).
6. Meng Hua. “Bi Jiao Wen Xue Xing Xiang Xue Lun Wen Fan Yi Yan Jiu Zha Ji. Bi Jiao Wen Xue Xing Xiang Xu”, in: *Bei Jing Da Xue Chu Ban She*. 2001, pp. 1–16. (in Chinese).
7. Nikiforov V.N. *Vostok i vseмирnaja istorija*. Moscow, Nauka, 1975. (in Russian).
8. Poljakov O.Ju. Principy kulturnoj imagologii Danijelja-Anri Pazho, *Filologija i kultura*, 2013, No. 2 (32), pp. 181–184. (in Russian)
9. Vasilev L.S. *Istorija Vostoka*. Vol. I. Moscow, Vysshaja shkola, 1998. (in Russian).
10. Cong Wen Hua Xing Xiang Dao Ji Ti Xiang Xiang Wu. “Bi Jiao Wen Xue Xing Xiang Xue. Meng Hua”, in: *Bei Jing Da Xue Chu Ban She*. 2001, pp. 118–152. (in Chinese).

**Гао Жунго**, доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков, Хунаньский педагогический университет, г. Чанша, Китай, [yakov@hunnu.edu.cn](mailto:yakov@hunnu.edu.cn)

**Gao Gongguo**, ScD in Philology, Professor, Institute of Foreign Languages, Hunan Pedagogical University, China, [yakov@hunnu.edu.cn](mailto:yakov@hunnu.edu.cn)

**Лю Яи**, магистрант, Институт иностранных языков, Хунаньский педагогический университет, г. Чанша, Китай; стажер, кафедра русского языка как иностранного, Московский педагогический государственный университет, [776124534@qq.com](mailto:776124534@qq.com)

**Liu Yaу**, Post-graduate Student, Institute of Foreign Languages, Hunan Pedagogical University; Intern, Russian as a Foreign Language Department, Moscow Pedagogical State University, [776124534@qq.com](mailto:776124534@qq.com)

**Позднякова Алина Александровна**, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра русского языка как иностранного, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, [apozdnyakova@live.ru](mailto:apozdnyakova@live.ru)

**Pozdnyakova A.A.**, PhD in Education, Associate Professor, Russian as a Foreign Language Department, A.N. Kosygin Russian State University, [apozdnyakova@live.ru](mailto:apozdnyakova@live.ru)